

Л. Н. Снякова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

scholast@ngs.ru

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «ВОЛОДЯ»: ЭТИЧЕСКАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Исследуется взаимосвязь этических и антропологических мотивировок характера главного персонажа в рассказе А. П. Чехова «Володя». Испытываемое героем отвращение к окружающим во многом является проекцией не только его постоянного душевного состояния – нелюбви к матери и отторжения фальши дачного кружка, но и неприятия собственного некрасивого тела. Страдания героя вызваны также влечением к родственнице хозяйки дачи. Наступившее после случайной связи с Анной Федоровной эмоциональное опустошение распространяется на отношение героя к матери и другим персонажам.

Корреляция лжи и телесности, двух факторов, разрушающих образ мира ведущего персонажа, приобретает в повествовательной динамике важнейшее значение. Переплетение этического мировосприятия и антропологической саморефлексии в психологическом процессе переживания стыда за вечно лгущую мать, собственное некрасивое лицо и тело, неприятие равнодушных или лживых людей в ближайшем окружении героя приводит его к самоубийству. В статье доказывается, что подобный комплекс этических и эмоциональных состояний является концептуальным для чеховского человека.

Ключевые слова: художественная антропология, структура образа человека, сюжетная метафора «тело – ложь».

Рассказ А. П. Чехова «Володя»¹ явился откликом на эпидемию самоубийств среди молодежи, которая, начавшись в 1870-х гг., ознаменовала «конец века» в русском обществе. На предложение Д. В. Григоровича написать роман о самоубийстве юноши А. П. Чехов отвечал в письме от 12 января 1888 г.: «Самоубийство 17-тилетнего мальчика – тема очень благодарная и заманчивая, но ведь за нее страшно братья! На измучивший всех вопрос нужен и мучительно-сильный ответ <...> Чтобы овладеть таким лицом, надо самому уметь страдать, современные же певцы умеют только ныть и хныкать» [Чехов, 1975. С. 174]. Тем не менее писатель, значительно переделав газетный вариант, взялся за тему о юном самоубийце, покончившем с собой вследствие всеобщей лжи, фальши и – антропологически важной для героя – телесной некрасивости. Последнюю ведущий персонаж наблюдает как в себе, так и в окружающих.

Фабульно рассказ оформлен как история пребывания юноши и его матери на даче знакомых и неожиданного самоубийства главного персонажа по приезде в город. Сюжет произведения можно описать как попытку молодого человека отвлечься в чувстве влюбленности от ощущения тотальной лжи, в первую очередь – от лжи собственной матери, и окончательной его убежденности в беспросветности дальнейшего существования. Сюжетная динамика

---

¹ Рассказ был напечатан под заголовком «Его первая любовь» в «Петербургской газете» за 1 июня 1887 г.; под окончательным заглавием вошел в чеховский сборник «Хмурые люди» (1890). В канонической редакции помимо других существенных изменений появляется трагический финал – самоубийство Володи (коммент. [Чехов, 1985. С. 663]).

рассказа заключается в нарастании состояния усталости и озлобления в герое. Ведущим мотивом становится ложь: словесная (лганье матери), психологическая (лживость дачного кружка, фальшь или грубость интонаций, разговоров, жестов – вербальных и невербальных сигналов либо уклончивости, либо манипулятивного поведения), наконец, бытийная (подмена смыслов жизни, свободы и любви). Импульс самоубийцы объясняется, в первую очередь, потребностью в освобождении от лжи.

Исследовавшая феномен чеховских самоубийц Э. А. Полоцкая размышляет: «...“жизнь надоела” – это значит, что она протекала не так, как хотелось бы. Грех самоубийства оказывается грехом неверно прожитой жизни. <...> Этика человека, подавленного рутинной, может показаться <...> менее компромиссной, чем этика восставшего против нее ценою собственной жизни. Здесь есть соблазн соотнести эту оценку с осуждением самоубийцы церковью <...>. Так ли это? Ситуация “жизнь надоела” (т. е. жить стало невозможно) в мире Чехова соотносится с ситуацией “больше жить *так* невозможно!” (курсив автора. – Л. С.)» [Полоцкая, 2006. С. 163]. Автор статьи продолжает: «Пока человек способен к бунту, душа его жива. С потерей этого свойства внутренние силы его иссякают, это конец живой жизни. Вот почему герои Чехова так часто боятся дождаться до старости <...>» [Там же. С. 165]. Добавим: Володя еще слишком юн, чтобы принять осознанное решение об уходе из жизни. Но ему действительно надоела жизнь, что подтверждает и Э. А. Полоцкая [Там же. С. 162].

Исследовательница делает вывод о безвыходности положения чеховских героев-самоубийц. Отмечая в сюжетах А. П. Чехова «предшествующий гибели героя монотонный гнет обыденщины», известный чеховед называет главную причину трагедии Володи: «Внутренний протест <...> против сложившегося уклада жизни в материнском доме и в гостях, уклада, видимо, тяготившего его давно» [Там же. С. 159]. Бесспорно, в бунте против лжи кроется главнейшая причина самоубийства героя. Однако кроме внутреннего протеста отметим приведший к выстрелу эмоциональный импульс Володи, его мгновенное побуждение прекратить накопившееся в нем отвращение к жизни. В немалой степени оно было вызвано именно антропологическими причинами (осознание власти плоти, отторжение от собственной телесности).

Своеобразие чеховского психологизма в рассказе, на наш взгляд, заключается в теснейшей связи раздражения героя от неискренности матери и пренебрежения остальных и недовольства собой как телесным существом. Корреляция этических составляющих поведения и – шире – жизнеполагания персонажей и их телесного облика служит матрицей образа чеховского человека не только в этом рассказе, но и в дальнейшем творчестве. Помимо общелитературных фундаментальных антропологических универсалий: душа – тело, разум – рассудок – сердце, стихийное и бессознательное (страсть), для созданного Чеховым человека приобретают важность два противоположных психологических состояния: эмоционально емкое переживание (радость, счастье) и обыкновенное и привычное отсутствие переживаний («скука жизни»). Скука, безотчетная тоска и каждодневный обман, вернее, многочисленные обманы, исходящие от «всех», удручают героя рассказа. Обыденность поглощает «страсть» и приводит его к самоубийству.

Начальная ситуация рассказа задает тему телесной неблаговидности и – пока обыкновенной, исходящей от быта – скуки: «В одно из летних воскресений, часов в пять вечера, Володя, семнадцатилетний юноша, некрасивый, болезненный и робкий, сидел в беседке на даче у Шумихиных и скучал» [Чехов, 1985. С. 197]². На протяжении тех суток, что составляют художественное время основного сюжета (явление покойного отца отходящему в мир иной герою относится к концептуальному завершению повествуемой истории и ахронично), скука повседневности трансформируется в скуку экзистенциальную, из которой осуществим единственный выход – в небытие. По замечанию Р. С. Спивак, «скука рано или поздно настигает большую часть чеховских героев, составляет неизбежный атрибут жизни чеховских персонажей <...>. Определение “скучно” и синонимы “тоскливо”, “тошно” Чехов использует, изображая обыденную жизнь, труд и душевное состояние» разнообразных героев [2008. С. 192–193]. В конце концов, «скука вырастает в атрибут трагедии “неподлинного существования”

² В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте с указанием страницы.

человека, приобретает экзистенциальный характер и в самом широком смысле означает оскудение, ослабление жизни, ее скатывание в смерть» [Там же. С. 203].

Володя поначалу просто раздражен: завтра ему предстоит выдержать экзамен по математике, а он, наверняка, его не выдержит и будет отчислен из гимназии; богатые Шумихины, на даче которых постоянно гостит мать Володи, за глаза ее бранят (пребывание у них «причиняло постоянную боль его самолюбию» (с. 197)); наконец, юноша подозревает, что влюбился в кузину Шумихиной – тридцатилетнюю Анну Федоровну. Испытываемое им чувство к Нюте – Анне Федоровне – «странное» и «неприятное». Анна Федоровна «была подвижная, голосистая и смешливая барынька, <...> здоровая, крепкая, розовая, с круглыми плечами, круглым жирным подбородком и с постоянной улыбкой на тонких губах. Она была некрасива и не молода – Володя отлично знал это, но почему-то он был не в состоянии не думать о ней <...>» (с. 197–198).

Притяжение к некрасивой и глупой Нюте объясняется комплексом чувственно-эмоциональных побуждений, причем именно ощущение телесности в составе этой страсти тяготит Володю: «Ему было невыносимо стыдно, так что даже он удивлялся, что человеческий стыд может достигать такой остроты и силы» (с. 200). Чувство стыда после сцены в беседке, когда Нюта отвергла его, усугубляется неприятием собственной некрасивости. Володя знал, что обладает заурядной внешностью: «...он вспоминал про свою непобедимую робость, <...> веснушки, узкие глаза, ставил себя в воображении рядом с Нютой – и эта пара казалась ему невозможной; тогда спешил он вообразить себя красивым, смелым, остроумным <...>» (с. 198). Когда же Нюта, освобождаясь от неуклюжих объятий Володи, удивилась, какое у него «нехорошее... злое лицо», герой догадывается, что «злое» относится не к внешней неблаговидности, а к телесно-плотскому существу его персонального целого.

Стыд Володи усиливается, когда он случайно слышит разговор Нюты и матери после происшествия в беседке. Нюта уверяет, что «у него есть манера» и «в лице у него было что-то зверское, как у черкеса», а мать героя с «протяжным смехом» подтверждает его сходство с отцом (с. 201). В продолжение этого невыносимого для Володи разговора мать уже при нем обращается к Нюте: «Он немного похож на Лермонтова... Не правда ли?» (с. 201). Придавая байронический контекст образу юноши, собеседницы сочиняют вымышленного, сильного и дерзкого Володю, и тот страдает от лжи обеих: «И как они могут говорить вслух об этом! <...> Говорят вслух, хладнокровно... И папан смеялась... папан! Боже мой, зачем ты дал мне такую мать?» (с. 201).

Появившаяся среди ночи на пороге его спальни Нюта, занятая поиском какого-то лекарства, показалась Володе «обаятельной, роскошной» и обладающей «чудным телом» (с. 204). После их случайной связи Володя раздавлен и обесценивает образ Анны Федоровны: «Как теперь Володе казались безобразны ее длинные волосы, просторная блуза, ее шаги, голос!...» (с. 205). Нюта, в свою очередь, испытывает отвращение к юноше: «Какой некрасивый, жалкий... фи, гадкий утенок!» (с. 205). Стихия телесности провоцирует негативно-антропологическое восприятие любви в обоих персонажах, и ненормальность этого восприятия, одновременного для них, далее разворачивается в сюжетную метафору «тело – ложь». Наступившее утро, полное солнечного света и звуков «живой жизни», убеждает Володю, что «где-то на этом свете есть жизнь чистая, изящная и поэтическая», но она ему недоступна («Но где она?») (с. 205).

Встреча с Нютой во время завтрака удручает героя. Приехал ее муж – архитектор, и все впечатления от этой пары сплетаются в аффекте отвращения к жизни: «Нюта была в малороссийском костюме, который совсем не шел к ней и делал ее неуклюжею; архитектор острил пошло и плоско; в котлетах <...> было очень много луку <...>. Ему (Володе. – Л. С.) также казалось, что Нюта нарочно громко хохотала и поглядывала в его сторону, чтобы этим дать понять ему, что <...> она не замечает присутствия за столом гадкого утенка» (с. 205–206). В первой редакции рассказа Нюта описана более сниженно, причем в первом предложении эксплицируется базовая эмоция Володи: «Володе вдруг стало все невыносимо противно. Нюта была в малороссийском костюме <...> и казалась неуклюжей, топорной бабищей, доктор (в данной редакции – муж Нюты. – Л. С.) говорил пошло и неумно, в котлетах <...> было очень много луку» (с. 535). Причем в этой редакции воспоминание о «малороссийском костюме с турнюром» (соединение простонародной и «дамской» эстетики в наряде

Нюты уже безвкусно и даже пошло) преследует возвращающегося в город Володю наряду с мыслями о грозящем исключении из гимназии (с. 535)³.

Дальнейшее действие выстраивается как психологический процесс усиления ненависти к себе, матери и всей несостоявшейся жизни юного героя. Сюжетная метафора «тело – ложь» выполняет роль катализатора действия: постоянно ощущая ненависть ко всему, живущему вокруг и помимо него, Володя приходит к мысли о своей исключенности из общего порядка жизни. «Виновато» же, как первичный импульс ненависти, «животное “я”» (Л. Н. Толстой) героя: «Грязные воспоминания, бессонная ночь, предстоящее исключение из гимназии, угрызения совести – все это возбуждало в нем тяжелую, мрачную злобу» (с. 206). Сотрясение собственного нравственного чувства порождает в герое убеждение в общей греховности. Нравственная нечистоплотность матери возмущает его: «Вы наводите на себя красоту, не платите проигрыша, курите чужой табак... противно! Я вас не люблю... не люблю!»; «Мне не стыдно своей бедности, но стыдно, что у меня такая мать...» (с. 206). Дорога до дому для Володи мучительна, потому что сопряжена с переживанием стыда и озлобления. Метонимический охват стыда – ненависти позволяет заключить, что в сфере Володиной жизни зло тотально, однако вне ее существует «чистая, благородная, теплая, изящная полная любви» действительность: «Ему не хотелось входить в вагон, так как там сидела мать, которую он ненавидел. Ненавидел он самого себя, кондукторов, дым от паровоза, холод, которому приписывал свою дрожь...» (с. 206).

Дома Володя «некстати» вспоминает свое детство с ныне покойным отцом и жизнь вместе с ним на побережье: «Захотелось возобновить в памяти цвет неба и океана, высоту волн и свое тогдашнее настроение, но это не удалось ему <...>» (с. 207). «Спасения» в детских ощущениях не состоялось; взросление героя рядом с лживой матерью делает для него недоступной ту самую «чистую, благородную» жизнь, которая была открыта для него как альтернативный вариант судьбы.

Володя упрекает свою мать в том, что она постоянно лжет. Та хвалится своим родством с генералом Шумихиным и Лили Шумихиной, урожденной баронессой Кольб: «Для чего вы рассказываете про генералов и баронесс? Все это ложь!» (с. 208). «Он знал отлично, что татапа говорила правду; в ее рассказе о генерале Шумихине и урожденной баронессе Кольб не было ни одного слова лжи, но тем не менее все-таки он чувствовал, что она лжет» (с. 208). Володя возмущен тем, что фактическая правда не совпадает с правдой нравственной, – стремление казаться не тем, чем ты являешься на самом деле (бедной приживалкой, промотавшей большое состояние), в последовательности всех нравственных испытаний того дня воспринимается им как предел этической терпимости. Именно после этого он удаляется в комнату соседа, случайно находит там револьвер и почти случайно, по крайней мере спонтанно, стреляет в себя.

Н. В. Живолупова, изучая художественную антропологию Чехова переходного периода творчества (1886–1888), приходит к следующему выводу: «Ложь как то, за чем ничего не стоит, как *ничто* (курсив автора. – Л. С.), вытесняющее подлинные переживания, чувства, мысли и поступки, достаточно трудно <...> отделима от подлинной жизни. Мимикрия под истину позволяет лжи пронизывать все существование человека, смешиваясь с его искренними порывами и, поскольку даже небольшая примесь лжи лишает суждение и поступок их подлинной этической и познавательной ценности, то извращается всё – все попытки выстраивать собственный непротиворечивый образ в глазах других <...>» [2017. С. 51].

Володя оказался в этической ловушке, которую описала исследовательница. Мало того, что подавляющее большинство людей вокруг него лгали или говорили частичную правду, но и не имевшие повода солгать были грубы и бесчувственны к его несчастью (таков, например, куривший «вонючую сигару» и хохотавший над чем-то в момент самоубийства героя Авгу-

³ А. П. Чудаков в числе многих примеров «смешения разнородных и явно несочетаемых признаков» в качестве способа создания комического модуля приводит фрагмент о завтраке из первой редакции рассказа, отмечая: «В едином потоке даются и чувства, и мысли героя, и его гастрономические ощущения <...>. Как и во многих других случаях, прием наполнился другим содержанием и стал почти неузнаваем» [Чудаков, 2016. С. 369]. В дальнейшем исследовании ученый обосновывает принцип «опредмечивания чувства», когда «психический феномен сравнивается с явлением физического мира или прямо уподобляется ему» [Там же. С. 564]. Такой «предметно-телесный» (А. П. Чудаков) психологизм мы наблюдаем в приведенном отрывке.

стин Михайлыч, в комнате которого тот застрелился). Ложь смешалась с правдой, подлинное – с фальшивым. Предсмертное видение покойного отца, который подхватывает Володю и летит вместе с ним в бездонную черную пропасть, возможно, объясняется выделенностью фигуры спасителя-отца из ряда окружавших героя людей. По детским воспоминаниям Володи, отец был светел и искренен.

Душевное смятение Володи происходит как из-за потрясений этического плана (всё дурно и всё ложь), так и по причинам антропологического порядка. Восприятие лжи распространяется на телесную составляющую в персональной структуре образа героя. Упомянутая метафора «тело – ложь» воплощается как в сюжете (настроение любви и влечения к Нюте сменяется отвращением и к предмету влечения, и к любви как таковой, потому что она оказалась плотской и низкой; напудренное лицо матери вызывает гадливость, и т. п.), так и в проекциях душевного состояния на окружающий мир, что блестяще отражено в работах А. П. Чудакова «Поэтика Чехова» (1971) и «Мир Чехова: возникновение и утверждение» (1986) [Чудаков, 2016].

Когнитивная и стилевая связка «человек – вещь» в художественной парадигме А. П. Чехова сопредельна связке «душа – тело». Сложное соположение указанных понятий и их репрезентаций в тексте рассказа позволяет познать внутренний конфликт Володи (дисгармония души и тела) как «антропологическую закономерность» чеховского героя. Частный случай масштабируется, и ему придается универсальное значение.

Таким образом, этическая телеология автора в рассказе «Володя» получила, наряду с сюжетным воплощением и психологической реализацией характеров, антропологическую аргументацию. Подобное построение образа человека во многом определяет своеобразие чеховского героя в зрелом творчестве писателя.

Список литературы

- Живолупова Н. В.* Достоевский и Чехов: Аспекты архитектоники и поэтики: Сб. ст. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2017. 268 с.
- Полоцкая Э. А.* О Чехове и не только о нем: Статьи разных лет. М.: [б. и.], 2006. 284 с.
- Спивак Р. С.* Чехов и экзистенциализм // *Философия Чехова: Материалы Междунар. науч. конф.* (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 208 с.
- Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

Список источников

- Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. 583 с.
- Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 6. 735 с.

Материал поступил в редколлегию 19.11.2017

L. N. Sinyakova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

scholast@ngs.ru

ETHICS AND ANTHROPOLOGY IN A. P. CHEKHOV'S SHORT STORY «VOLODYA»: ANALOGIES IN PERSONAL CONCEPTION

The article examines correlation between ethics and anthropology in A. P. Chekhov's poetic structure. A. P. Chekhov investigates the teenager's feelings led him to suicide. Total lies and falsity, on one hand, and ugliness of faces and bodies all around, on another, are strongly tied in Volodya's inner world. His occasional love adventure, which he tried with plain and stupid Nyuta, makes him hate himself more and more. His self-destruction mood spreads on everybody in the

summer cottage, especially on his mother and nasty Nyuta. He gets perfect disgust seeing them. Lies and deception of nearly all the personages make him suffer greatly. Volodya exposes his lying mother, which wasted their wealth and plays comic role in the local society. Everybody in Volodya's opinion seems to be indifferent or even opposite to him. The most hateful persons for him are his mother and, in actual narration, Nyuta. The basic metaphor of the text, "lie is body", makes ethics equal to anthropology.

Volodya's disappointment grows during twenty four hours from the exposition to the final episode. Emotional complex here is mixed with anthropological origin: the hero can't stop seeing ugly faces, bodies and flesh in his environment. Negation of wrong behavior of adults and painful experience of dirty love are joint together in Volodya's existent outlook. But at his last moments, being shot, Volodya «meets» his dead father, whose light and sincere image he always remembered heartily. The hero gets free of anxiety connected with liars (mother and Shumikhins, the summer cottage family).

There is surely burst of existentialism in this particular text. Fundamental concepts in it are lie (ethics) and body, or, so to say, «bodyness» (anthropology). A hero in A. P. Chekhov's poetics reveals himself between bright impression and deep boredom. Boredom and sadness which are associated with life itself, form an atmosphere of A. P. Chekhov's works.

The basic metaphor «lie is body» functions as a constructive centre of the short story. The plot is built on this identity, the characters are determined by it, and the main Volodya's experience in his last day of living allows us to guess that this is ethic and anthropology formula of A. P. Chekhov

Interference of ethic and anthropology modes of positioning of characters, especially the main character, is the constructive principal of the short story, and it is special for A. P. Chekhov's poetics in general.

Keywords: literary anthropology, character's structure, plot metaphor «flesh – lie».

References

Chekhov A. P. *Polnoie sobraniye sochinenii i pisem: V 30 t. Pisma: V 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, vol. 2, 583 p. (in Russ.).

Chekhov A. P. *Polnoie sobraniye sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 6, 753 p. (in Russ.).

Chudakov A. P. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov's Poetics. Chekhov's World: Emergence and Establishment]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016, 704 p. (in Russ.).

Polotskaya E. A. *O Chekhove i ne tol'ko o nem* [On Chekhov and Others]. Moscow, 2006, 284 p. (in Russ.).

Spivak R. S. *Chekhov i eksistentsializm* [Chekhov and Existentialism]. *Filosofiya Chekhova: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (Irkutsk, 27 iyunya – 2 iyulya 2006)* [Chekhov's Philosophy: Materials of an International Scientific Conference. Irkutsk, June 27 – July 2, 2006]. Irkutsk, Irkutsk Uni. Press, 2008, 208 p. (in Russ.).

Zhivolupova N. V. *Dostoevskii i Chekhov: Aspekty arkhitektoniki i poetiki* [Dostoevsky and Chekhov: Aspects of Architectonics and Poetics]. Nizhnii Novgorod, Dyatlovy gory Publ., 2017, 268 p. (in Russ.).